

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

Сильные духом

Нынешнее лето богато гостролями интересных художественных коллективов. Важным событием в духовной жизни Ленинграда стал заключительный показ спектаклей театров РСФСР, посвященный 60-летию образования СССР. У театралов немало впечатлений, но привезла Куйбышевского академического театра драмы имени М. Горького — одного из самобытных коллективов страны — все же ждали с особым интересом.

Разнообразна гастрольная афиша театра. Коллектив, возглавляемый им. М. Горького, привез «Сыковых» — пьесу, имеющую непростую сценическую судьбу. В этом же театре она идет свыше десяти лет. Решили гости показать на сцене БДТ и «Ревизора», вероятно, не для того, чтобы вступить в творческую полемику со спектаклем Хозе, но для того, чтобы представить зрителям собственную версию комедии Н. Гоголя, продемонстрировать мастерство своих авторов. Есть также в репертуаре куйбышевцев классические пьесы, такие, как «Гамлет», «Борис Годунов», «Чайка», к примеру. Работа над ними — это серьезный экзамен на творческую зрелость. «Тартюф» Ж.-Б. Мольера, показанный ленинградцам, — также из этого ряда. Зарубежную драматургию представляют новый спектакль «Наполеон I» Ф. Брукнера, а также «Визит старой дамы» Ф. Дюрренматта и «Дом на скале» Х. Вулицкого. Играется драма В. Розова «Гроза глазами», хорошо известная ленинградцам по спектаклю Драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской. При таком репертуарном диапазоне «Усвятские шлемоносцы» Е. Носова все же выглядят названным неординарными. Этот сложный и, как представляется, принципиально важный для коллектива спектаклем открыл театр гастролы.

Повесть Е. Носова, впервые опубликованная четыре года назад в журнале «Наш современник», волилась в русло тех произведений о Великой Отечественной войне, в которых крупным планом исследуется человек в его повседневном деле, но в обстоятельствах чрезвычайных. Для жителей деревни Усвят, что затерялась где-то среди просторов России, весть о войне, как и для всего народа, была неожиданной, горькой, крутой и болезненно ломавшей их судьбы. Спектакль начинается с пролога. На фоне кучевых предгрозовых облаков десяток мужчин с азартом косят траву. Идиллическая картина мирного труда. Но вот слышатся на миг раз-другой кровавые зарева — и нахлынула эта безмятежная атмосфера. Когда придет страшная весть — война, мало кто сразу поверит. С кем? С германцем? У нас же договор о ненападении! И только тогда, когда голос диктора Ю. Леитана сообщит тревожные вести с фронта, только тогда усвятцы поймут, постигнут всем сердцем размах надвигающейся трагедии. И не будет на сцене более идиллических картин жизни, и каждая встреча, каждый разговор, каждая весть приобретут иной смысл. Последняя встреча с любимой. Последнее посиделки. Последний взгляд на жену и сына. Время неминуемо будет идти навстречу войне. Драматизм ситуации осложняется тем, что они, усвятцы, всегда думали о войне короткой, ну, полгода, год, ну, два... Мы-то сейчас, с высоты исторического опыта, знаем истинную цену Победы — двадцать миллионов жизней, четыре года героической борьбы и страданий, вос-

становление народного хозяйства, голод, лишения, беды, горе. Война и сегодня напоминает нам о себе, ее экономические, моральные последствия преодолевать довелось и тому поколению, кто не нюхал запаха пороха, кто родился уже после войны. Для нас, советских людей, тема Великой Отечественной в жизни и искусстве — тема священная. 35-летию Победы посвятил театр этот волнующий спектакль.

Об этой работе куйбышевцев уже много писали, в том числе в «Правде». Мне же хочется подчеркнуть плодотворность поисков режиссера (он же и инсценировщик) народного артиста СССР, лауреата Государственной премии РСФСР П. Монастырского, который вслед за автором повести основное внимание сосредоточил на анализе духовных предпосылок подвигов простых людей, на плечи которых и выпала основная тяжесть войны. Постановщик и актеры очень верно уловили психологическое состояние людей в переходный, рубящий период из жизни: мира и войны. Люди в глубоком тылу еще продолжали, словно по инерции, привычно жить трудовыми буднями, но в их сознании, их психологию неутомимо входила война — жесточайшее испытание на человеческую прочность. Оставшаяся физически в Усвят, духовно они уже шли навстречу грозе. И эту духовную перестройку в людях — прошла всего одна неделя — театр показывает скупознательно, точно, честно.

П. Монастырский по сравнению с повестью значительно усиливает тему русских воинских традиций. Шелом да меч у русского народа всегда должны были лежать рядом с плугом да косой, быть готовы для отражения набегов врага. «Что с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!» — говорили на Руси. И были бы Касьяном, Алексеем, Михаилом... мирными хлеборобами, да Родина-мать зовет на защиту. И были им тогда шлемоносцами, заступниками человечества, победителями. Тема эта отражена и в зенитно-метатюре: шлем, копы, мечи на нем, на их фоне трудятся косы.

Режиссер одним из центральных героев спектакля делает дядю Селивану (прекрасная работа народного артиста РСФСР С. Пономарева). К нему тянутся молодые мужики, кому предстоит идти на фронт, у него, воевавшего еще в японскую и первую мировую войны, ищут они совета и поддержки. Селиван С. Пономарев, естественно, не наделен даром предвидения, но его мудрый опыт и знание молодежи по ее трудовой жизни помогают ему увидеть во многих из них будущих героев. И не случайно поэту именно он, седой и дряхлый Селиван, на миг перед отправкой на войну держит речь, а не председатель колхоза, как у автора. Из его рук молодые перекидают алый флаг — под ним им идти вперед. В речи Селивана — гордость и призыв, патетические и лирико-отеческие ноты.

Спектакль — и не только в связи с образом Селивана, но и других центральных персонажей, добротой сыгранных артистами, — дает возможность поразмышлять о том, как современное искусство, обращаясь к прошлому, раскрывает диалектику национального и социального в характерах. Будущие ратники, уходившие по пыльным дорогам на войну, всецело были воспитаны нашим обществом. Личность же

Селивана, сформировавшаяся еще до Октября, в других социальных условиях, оказалась раскрыта новой действительностью, душа его наполнялась новым содержанием.

Трудна драматургия «Усвятских шлемоносцев», здесь нет возможности актеру показать развитие характера во времени, нет развернутой фабулы. И хорошо, что театр искусственно не восполняет недостающие для традиционной драмы компоненты. П. Монастырский верен и тексту, и логике повести, и ее эстетическим особенностям. «Переводя» повесть на язык театра, он ограничивает арсенал выразительных средств, создает главное внимание к движению человеческой души, неброскому быту среднерусской деревни. И там, где принцип этот нарушается, там особо ошутимы потери спектакля, там появляются необязательные маскировки, моменты, только иллюстрирующие, не дополняя и не углубляя показанного. В некоем условно — театральном мире деревни, выстроенном художником И. Менделовичем, неутоимо порой чувствуют себя артисты, плетущие тонкую психологическую вязь. И вполне закономерно, что самыми сильными сценами в спектакле стали дуэты Натахи (заслуженная артистка РСФСР Н. Радоницкая) и Касьяна (заслуженный артист РСФСР И. Морозов). В работе артистов ошутимо видно эстетическое кредо режиссера и театра.

И верши, что такими были и могли быть люди села начала сороковых — роковых. Они трудились, верили, растили детей, мечтали. Лица Натахи и Касьяна — эти удивительно красивые особой духовной красотой русские лица — были открыты, улыбка, души их распахнуты. Но грянула горькая, души постепенно — день от дня, от сводки Совинформбюро до свежих газет с начальными новостями с фронта — закрываются, глаза меркнут. Не показывать горю другому — им и самим тяжело. И будет Касьян два дня скрывать от Натахи повеску на фронт, а сердце все же все почувствует, ее руки забойливо отстирают мужнину белье да (не дай бог!) последний раз повесят его рядом с детским, повзав рукава рубаш сына и мужа кропким узлом. Такова примата — для счастливой судьбы. Одна лишь деталь — их в спектакле не было, — но говорит нам об огромной внутренней драме, творимой в человеке, о надвигающемся на них горе.

В рисунке роли Н. Радоницкой угадываются черты крестьянки и образ русской мадонны. Что падет на ее женские плечи за четыре года войны — об этом хорошо знаем мы, зрители, но еще не знает она. В этой ситуации — неведение судьбы героя и историческая знаний современника — режиссер уловил большую смысловую энергию, усиливающую драматизм постановки. И. Морозов и Н. Радоницкая, как и С. Пономарев, сумели создать глубокие народные характеры. И. Морозов убеждает, что его персонаж сможет стать героем. И спектакль всем ходом своим подводит зритель к мысли, что исход великих испытаний зависел от усилий всего народа, складывавшихся из участия каждого в борьбе на фронте ли, в тылу ли, если человек воспитан в себе потребность ежедневной духовной работы.

Видимо, и в самом деле российская деревня Усвят была святым местом, если там жили такие красивые душой люди. Они — первые десять хлопцов и мужиков — ушли воевать за свою деревню, за Россию, за всю нашу огромную многонациональную страну, которая для них была Усвят. Втретью у них была война в четыре долгих года. Встроившись вдоль рамы, усвятские шлемоносцы смотрели в зал, в свое будущее.

В. ПОТЕМКИН

На сцене: сцена из спектакля «Усвятские шлемоносцы». Фото А. ИВАНОВА